

Научная статья

УДК 1(091)

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-1-52-63

Метафора гена в концепциях культурной эволюции

Александр Михайлович Жаров

Русское общество истории и философии науки

Москва, Россия

alex.zharoff2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9082-3446>

Аннотация

Неотъемлемым свойством любого теоретизирования о явлениях культуры является стремление выделять дискретные сегменты культурных продуктов. Один из наиболее известных примеров из древности – концепция идей Платона. Сегодня же вокруг этой когнитивной тенденции сосредоточились многие подходы в гуманитарных науках, включая семиотику, историю понятий, дискурсивные исследования и т.д. Это говорит о фундаментальности вопросов о сущности, свойствах, отношениях и объеме этих элементарных единиц. В частности, принципиальное значение для разработки эволюционно-эпистемологической теории играет необходимость определения субъекта и элементарного уровня эволюционного развития, коим во второй половине XX в. среди большинства сторонников теории эволюции принято считать «ген», который в том числе оказывается величиной, мерой изменчивости. Споры о том, что именно нужно считать аналогией гена в развитии культуры и науки, в последние десятилетия все больше обостряются. Данная статья сосредоточена на анализе исторического развития основных проблем, возникающих в ходе попыток концептуализации генно-культурной эволюции. Особое внимание уделяется противоречивым отношениям внутри коэволюции природы и культуры.

Ключевые слова

эволюционная эпистемология, культурный ген, меметика, Д. Деннет, Р. Докинз, коэволюция природы и культуры

Благодарности

Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса».

Для цитирования

Жаров А. М. Метафора гена в концепциях культурной эволюции // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 1. С. 52–63. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-1-52-63

© Жаров А. М., 2025

The metaphor of the gene in the conceptions of cultural evolution

Alexander M. Zharov

*Russian Society for the History and Philosophy of Science
Moscow, Russian Federation*

alex.zharoff2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9082-3446>

Abstract

An integral feature of any theorizing about cultural phenomena is the desire to identify discrete segments of cultural products. One of the most famous examples of antiquity is the conception of Plato's ideas. Today, many approaches in the humanities have focused around this cognitive trend, including semiotics, the history of concepts, discursive research, etc. This indicates the fundamental nature of questions about the essence, properties, relationships, and volume of these elementary units. In particular, the need to define the subject and the elementary level of evolutionary development is of fundamental importance for the development of an evolutionary epistemological theory, which in the second half of the 20th century was considered by most supporters of the theory of evolution to be a "gene", which also turns out to be a quantity, a measure of variability. The debate about what exactly should be considered the analogy of a gene in the development of culture and science has only intensified over the past decades. This article focuses on the analysis of the historical development of the main problems that arise during attempts to conceptualize genetic and cultural evolution. Special attention is paid to the contradictory relations within the coevolution of nature and culture.

Keywords

evolutionary epistemology, cultural gene, memetics, D. Dennett, R. Dawkins, coevolution of nature and culture

For citation

Zharov A.M. The metaphor of the gene in the conceptions of cultural evolution. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 1, p. 52–63. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-1-52-63

Введение. Трансмиссия информации в природе и культуре

Понятие культурного гена является одним из наиболее популярных эволюционных концептов, используемых за границей эволюционной эпистемологии. К нему нередко прибегают даже авторы, которых никак не сопоставляют с направлением эволюционной эпистемологии. Например, антрополог Клиффорд Гирц в своем учении о символах рассматривает в первую очередь системы символов, аналогичные ДНК, которые он называет «внешними источниками информации». По мнению ученого, «сравнение гена и символа – не просто “натянута” аналогия» [Матисов, 2006, с. 186]. Замечателен приводимый им пример: «бобру, чтобы построить плотину, нужны лишь место и материал, а программа строительства заложена у него внутри, в генах; человеку же, “чьи гены молчат”, необходимы внешние, символические образцы» [Там же]. Роль последних, по словам К. Гирца, могут играть, например, чертеж или учебник, т.е. культура.

Механизмы вариации, селекции и стабилизации действуют за пределами биологических процессов и генов. Природа не является «геноцентристской». Иначе говоря, процесс естественного отбора не способствует трансмиссии информации через гены, когда такая же информация может быть столь же надежно и более дешево получена с помощью некоторых других существующих в мире регулярно-

стей. Например, физических, а в дальнейшем, с появлением языка, и социальных. Естественному отбору не всегда выгодна затратная и по времени, и по материалу передача информации через гены – когда она быстрее и с меньшими усилиями может быть передана с помощью изобретенных культурой инструментов. В этом случае репликация приобретает другую форму – форму имитации через традиции и другие информационные приспособления.

Эволюционные процессы культуры, включающие в себя вариацию, селекцию и стабилизацию, не только коэволюционируют вместе с природными процессами, они могут вступать с ними в конфликт. Может возникать дисгармония между биологическими и культурными факторами (экологические бедствия – это только один из многих тому примеров).

Затратность, расточительность и избыточность производимых культурой продуктов является важнейшим условием реализации таящихся в ней возможностей. В пространстве ее дизайна имеется свободная ниша для производства разнообразия (и избыточности) средств и форм самовыражения, которое осуществляется с помощью различных семиотических и изобразительных инструментов. Производимый культурой материал содержит много такого, что, на первый взгляд, не имеет какого-либо практического или иного смысла и не играет какую-либо адаптационную роль. (То же самое можно сказать о природе: далеко не все производимые ею продукты служат адаптации.) Однако роскошь и избыточность этого материала функционально важны: они образуют поле возможностей для «отклонений» и появления новизны. В конечном счете затратность, расточительность и избыточность производимых культурой продуктов служат приращению информации, расширению поля для выбора и творчества новизны. В этом пространстве новизна «ощупывается», опробывается, корректируется; что-то отбирается и переходит в долговременное пользование, а что-то отвергается путем отсева ненужных, или ошибочных, или устаревших, или надоевших форм. Одним словом, без избыточности форм культуры нет информационного продвижения вперед, нет творчества и нет свободы.

«Дарвиновские войны»

В 1975 г. профессор Гарвардского университета Эдвард Осборн Уилсон, известный своими работами в области энтомологии, опубликовал книгу «Социобиология: новый синтез» [Wilson, 1975]. В ней он обобщил полевые исследования биологических организмов, имеющих социальную организацию (термитов, пчел и др.). Его выводы подтвердили сделанные ранее наблюдения других ученых, что в коллективистской организации живых организмов имеют место формы альтруистического и эгоистичного поведения, агрессия и самопожертвование, распределение половых ролей и другие сложные виды самоорганизации. Эти формы поведения организмов объясняются действием естественного отбора, но не только им. Есть типы поведения, которые передаются путем подражания, так сказать – «культурно». «Новый синтез» означал три вещи: во-первых, в исследовании живых организмов нужен синтез разных дисциплин (эволюционной биологии, этологии, популяционной генетики, микробиологии и др.); во-вторых, в коллек-

тивистских типах поведения биологических организмов следует видеть предтечи типов человеческого социального поведения; в-третьих, исследование человеческого поведения следует проводить в синтезе биологических и социальных наук и использовать функционалистский метод, который показал свою успешность в биологии и социологии.

Книга Э. Уилсона имела огромный успех и была переведена на многие языки. Разумеется, она была подвергнута критике авторами, которые видят в проведении такого рода аналогий грубые биологические и методологические ошибки (генетик Ричард Левонтин и др.). В ответ на критику и в продолжение идей «нового синтеза» Э. Уилсон опубликовал в 1978 г. книгу «О человеческой природе» [Wilson, 1978], а затем, в 1981 г., в соавторстве с Чарльзом Ламсденом, книгу «Гены, сознание и культура» [Lumsden, Wilson, 1981]. В новых публикациях содержались еще более радикальные выводы о распространении работающей в биологии функционалистской методологии на человеческое сознание, на моральное и социальное поведение, культуру, религию.

Не меньший резонанс вызвала книга зоолога из Оксфордского университета Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» [Dawkins, 1976]. Она вышла в 1976 г. Р. Докинз распространил идею саморепликации генов на сферу, простирающуюся за биологией, – на сферу культуры. В обоснование своего главного тезиса о коэволюции природы и культуры он ввел новое понятие – мем. В его функции вмещалось объяснение процессов репликации, распространения и развития продуктов человеческого интеллекта и культуры. Идеи эгоистичного гена и мема были подхвачены и получили дальнейшее развитие. Идея коэволюции стала ключевой в книге Ричарда Александра «Дарвинизм и человеческие дела» [Alexander, 1980].

Публикации Э. Уилсона, Р. Докинза, Р. Александра, Ч. Ламсдена способствовали появлению нового течения социобиологии. В ее рамках предложены нетрадиционные подходы ко многим проблемам психологии, антропологии, истории, политики, философии морали и религии. Теоретические обобщения и методология социобиологов по-разному были восприняты философами: одни их подхватили, другие сразу отвергли. Инновации социобиологов существенно повлияли на споры профессиональных биологов. Хотя центральными оставались вопросы о понимании дарвинизма, единиц и механизмов естественного отбора и т.д., на первый план в дискуссиях часто стали выходить не столько вопросы о генах и прочих биологических вещах, сколько вопросы о возможности (или невозможности) включения языка, культуры и морали в объяснительные рамки эволюционной парадигмы. Именно эти вопросы обусловили остроту споров, которые были названы «дарвиновскими войнами» [Brown, 1999].

Мотивы, стимулирующие «дарвиновские войны», являются не столько теоретическими, сколько идеологическими. Сутью споров являются не только расхождения в толковании наследия Чарльза Дарвина или иных специальных биологических проблем. В основе их лежит идеологическое противостояние в понимании личности, – того стержня, вокруг которого строилась западная культура с ее идеями автономии и свободы моральной личности. Одни считают, что стратегия социобиологов ведет к разрушению этого стержня, другие полагают, что она направлена на более трезвое и соответствующее современному знанию понимание

моральной личности. Немалую роль в разжигании «войн» играет разное представление о притязаниях (и разделении труда) науки и гуманитарных дисциплин. Согласно Стивену Гулду, одному из главных оппонентов социобиологии, ученые (и наука) не должны вторгаться в сферы этики, религии и философии – это не их дело. Но и гуманитариям (философам или теологам) не следует вторгаться в суверенную сферу науки – это не их территория. Он обвинял Р. Докинза и Д. Деннета в том, что те привносят в биологию чуждые ей вещи.

Для материалистического мониста Д. Деннета социобиология пришлась как нельзя кстати. В ней он увидел дополнительные аргументы в решении исходной задачи по наведению мостов между природой и культурой, между сущим и должным, между человеческим естеством и артефактами. Понятно, что в «дарвиновских войнах» он примкнул к тем, кто защищает идею природо-культурной коэволюции (Э. Уилсон, Р. Докинз, Ф. Крик и Д. Уотсон, С. Пинкер, Дж. Мейнард Смит и Р. Александер). Однако Д. Деннет не просто эпигон социобиологии. Он философ, и у него собственное, философское, ее видение. Восприняв идеи коэволюции, он связал их с разработанной им концепцией сознания, соединяющей «Машину Дарвина» с «Машинной Тьюринга». Публикация в 1995 г. книги Д. Деннета «Опасная идея Дарвина», в которой он представил собственное понимание дарвинизма, т.е. посягнул на сферу биологии, внесла дополнительную смуту в «дарвиновские войны» и усилила их идеологический накал. В 1995 г. Джон Мейнард Смит в «New York Review of Books» опубликовал хвалебную рецензию на эту книгу Д. Деннета [Maynard Smith, 1995]. Критики из противоположного лагеря (С. Гулд и Р. Левонтин, С. Роуз, Л. Кеймин и др.), а также многие философы, убежденные в существовании непроходимой пропасти между природой и культурой, обвинили ее во многих грехах – в пан-дарвинизме, фундаментализме, генетическом детерминизме, редукционизме и др. Главное их обвинение состояло в том, что он нивелирует самость, уникальность человека и растворяет культуру, личность и мораль в слепых и бессознательных процессах природы. С. Гулд увидел в книге философский априоризм, а выводы относительно коэволюции назвал «умонепостижимыми» для ученого [Gould, 1997]. В защиту Д. Деннета выступили Л. Космидис и Дж. Туби, указав на искажения его позиции, что еще больше накалило атмосферу. В ответ С. Гулд снова публикует свои возражения в «New York Review of Books», где в ход пошли аргументы, выходящие за рамки эволюционной теории. На это откликнулась популярная литература: на Д. Деннета посыпались обвинения, что его пан-дарвинистская философия не оставляет места для морали (см: [Malik, 2002; Rose, Rose, 2000]). В этой литературе Д. Деннет вместе Р. Докинзом фигурирует по одну сторону баррикад, а С. Гулд и Р. Левонтин – по другую. Свою лепту в критическую атаку на Д. Деннета внес Джерри Фодор [Fodor, 1996]. Правда, он отменил обвинения Д. Деннета в генетическом детерминизме, моральном нигилизме и прочем. С его точки зрения, изъяны позиции Д. Деннета являются философскими, не биологическими. Это – неправомерное распространение установки интенциональности на природу, логические ошибки теории референции и слишком амбициозные претензии его натуралистической метафизики.

Д. Деннет счел обвинения в свой адрес несправедливыми: «Все, на что я претендую, – повторяет он, – это быть “осмотрительным” натуралистом, не закрыва-

ющим глаза на то, что “накопано” в научных исследованиях» (см.: [Dennett, 2004]). Что касается аргументов критиков, в них он усматривает либо следствие давления давних предрассудков, либо результат узкого и уже не работающего толкования принципа эволюции.

Меметика Р. Докинза

В конце концов, нельзя обойтись без разговора о единицах коэволюционного развития и их воспроизведении в динамике культуры. В истории мысли предложено множество объяснений распространения культурных форм, самой известной из которых является гегелевская концепция. Г. Гегель связывал динамику культурных преобразований с реализацией Абсолютного духа. Но, возможно, более правдоподобный подход к объяснению механизмов движения культуры следует искать в дарвиновском мышлении.

Р. Докинз в книге «Эгоистичный ген» высказал мысль, что с появлением человека возник новый вид репликаторов – культурных единиц, которые, как и гены, подвержены действию естественного отбора и адаптации. Он придумал для них название – мем. На Р. Докинза обрушился град критики. Философы упрекали его за смешение социального с биологическим, за редукционизм и недооценку специфики развития культуры. Ученые критиковали его за то, что придуманную им метафору «мем» он совершенно неправомерно ввел в биологию и нарушил чистоту ее теоретических канонов. Под напором критики он перестал пользоваться этим понятием.

Что такое мем? Мем – это сложные репликаторы, единицы культурной трансмиссии или единицы имитации, такие как идеи колеса, носильной одежды, прямого угла, алфавита, календаря, исчислений, шахмат и т.д. Данное понятие распространяется на идеологические, моральные, политические, религиозные, культурные, философские и другие культурные образования.

Мемы не занесены на нашу планету космическими ветрами и не возникли из случайных квантовых бифуркаций: их биологические корни уходят в миллиарды лет развития Природы. Известно, что в ходе эволюции на некоторых организмах-хозяевах поселяются паразитарные формы, и это для них иногда оказывается счастливой случайностью, усиливающей жизненные притязания. Первые прокариотические хозяева, «инфицированные» их симбиотическими визитерами, получили огромное преимущество в виде большей компетенции, дизайн которой давал возможность применения этой компетенции в другом месте. Часто можно наблюдать муравья, ловко взбирающегося на стебель. Зачем он это делает? Это просто ему нравится? Не совсем так: мозг муравья наводнен одним из видов микроскопических паразитарных червей (*lanset fluke* или *Discrocoelium dendricum*), которым для репродукции нужно внедриться в проходящую мимо овцу или корову. Лазание по стеблю идет на пользу репродуктивным силам не муравья, а червя. Примеров таких симбиотических систем великое множество.

В «Эгоистичном гене» Р. Докинз высказал мысль о том, что на некоторые культурные формы имеет смысл посмотреть как на своего рода паразитов. Только вместо желудков овец или чешуи рыб в качестве временного обиталища они ис-

пользуют человеческий мозг, а для репродукции перемещаются от мозга к мозгу, от сознания к сознанию. В форме единиц культуры мемы являются чем-то вроде квазиорганизмов, а формы их функционирования напоминают функционирование вирусов. Подобно вирусам эти культурные образования ищут для себя подходящую среду для заселения и размножения, а многим из них удается ее найти. Вторгаясь в человеческое сознание, эти паразитарные формы способствуют появлению в нем новых поведенческих паттернов. Участвуя в коммуникации сложного симбиотического цикла, они приобретают разнообразные языковые облики, функции и становятся более разнообразными, а их самоактивность возрастает.

Мемы могут оказывать обратное воздействие на биологическую среду и даже на физическую атмосферу (об этом хорошо знают экологи). Простой факт: после выхода в 1942 г. мультфильма У. Диснея «Бемби» резко сократился отстрел оленей. Когда же выяснилось, что олени являются переносчиками опасной болезни Лайма, позитивное отношение к ним сменилось на негативное.

Одно из самых сильных возражений против аналогии мемов с генами (его выдвинул С. Гулд) состоит в следующем: гены являются цифровыми или дигитальными в том смысле, что они состоят из ДНК, которая представляет собой цепочку химических структур, обозначаемых определенными литерами, репликация которых поддается компьютеризации. Мемы не являются таковыми. Репликация мемов не может иметь такой точности. История, рассказанная одним человеком, в пересказе двадцатого человека часто приобретает противоположный смысл. Естественная же селекция работает только с достоверной и точной репликацией. Сторонники идеи культурной репликации мемов не согласились с таким аргументом. Они говорят, что, хотя мемы и не дигитальны, их репликацию можно рассматривать с высокой долей достоверности. Однако репликацию следует понимать не как буквальную копию оригинала, а как инструкцию или рецепт делать подобное.

Из чего сделаны мемы и как они распространяются? Согласно Д. Деннету, «они сделаны из информации, которая может передаваться с помощью любого физического медиума. Гены, генетические рецепты – все они записаны в генетическом медиуме ДНК с использованием единого канонического текста, алфавита С, G, A и T, три литеры из которых – код для аминокислот. Мемы, или культурные рецепты, для продолжения существования (они не являются магией) тоже зависят от того или иного физического медиума, и они могут перемещаться от медиума к медиуму, транслироваться с одного языка на другой ...как рецепты!» [Dennet, 2004, p. 176]. Мемы – это пакет информации с отношением – рецептом или инструкцией для млекопитающего делать что-то культурное. Неважно, на каком языке и с помощью каких технических средств написан рецепт пирога (или идеологическая догма) – чернилами на бумаге, на видео или на твердом диске компьютера; сам рецепт может быть сохранен, скопирован, передан для распространения. Поскольку верификацией пирога является его съедение, успех рецепта зависит от самого мема – в первую очередь, от его содержания, а также от способа репликации, быстроты распространения, а не от физического носителя. Благодаря высоким технологиям нынешние масс-медиа обрели способность в кратчайшие сроки копировать и тиражировать культурные мемы – как благотворные, так

и пагубные. Их «вирусоподобное» распространение не зависит от нашей генетической конституции.

Возникшие в древности первые мемы отбирались еще в соответствии с естественными диспозициями человека, прежде всего для выживания в «домашних» условиях. Затем возникло то, что можно назвать «меметической инженерией», т.е. сознательное и целенаправленное производство мемов-продуктов. Д. Деннет пишет: «Меметическая инженерия – совсем недавняя софистикация в истории эволюции на этой планете; среди ее первых получивших широкую известность плодов были “Республика” Платона и “Политика” Аристотеля. Тем не менее она на несколько тысячелетий старше, нежели поражающая своими успехами нынешняя генная инженерия» [Dennet, 2004, p. 266]. О генной инженерии много говорят, акцентируя внимание на таящиеся в ней опасности. Некоторые воспринимают ее как нечто экстраординарно новое в эволюционном процессе. На самом деле она мало чем отличается от искусственного отбора, о котором говорил Дарвин: эволюция в ней происходит тем же методом проб и ошибок, но только в лаборатории и в конкуренции теорий. Поэтому ее скорее следует расценить как новый этап в происходящей в человеческой культуре (и науке) меметической селекции. Реальные опасности таятся не в генной инженерии, а в «меметической инженерии», т.е. в наших идеологических способах обращения с первой.

Было бы ошибкой полагать, что естественный отбор культурных черт всегда происходит «по причине» и всегда приносит некоторое благо хозяину. Мемы бывают разными. Они могут быть нейтральными (мирно разделять один и тот же стол с «хозяином»), могут быть взаимовлияющими, усиливая приспособляемость как хозяина, так и гостя; они могут быть вредными паразитами, чье присутствие снижает адаптивные возможности их «хозяина». Причем мемы-паразиты могут быть жизнеспособными и плодовитыми репликаторами, хотя их распространение идет во вред «хозяину». Например, многие фанатичные культы, традиции и идеологии пагубно отражаются на здоровье людей.

Несмотря на идиосинкразию многих философов и биологов к понятию мем в последнее время появились публикации, в которых задействован потенциал этого понятия для объяснения различных форм культуры. Сьюзен Блэкмор опубликовала книгу «Машина мемов» [Blackmore, 1999]; под редакцией Роберта Унгера в 2001 г. вышел коллективный труд «Дарвинизируемая культура: статус меметики как науки» [Aunger, 2001], а позже и его книга «Мем-возбудитель: новая теория о том, как мы мыслим и осуществляем коммуникацию» [Aunger, 2002]. Дискуссиям о понятии мема был посвящен специальный выпуск журнала «Монист». Появились интересные работы с попытками взглянуть на религию через призму понятия мема; например, книга Паскаля Бойера «Религия объясненная: Эволюционные источники религиозной мысли» [Boyer, 2001].

Естественно, что внимание авторов, взявших на вооружение понятие мема, не мог не привлечь к себе феномен устойчивости религии. Высказываются разные гипотезы. Одни считают религию некой культурной добавкой, выигрыш от которой получает все общество, поэтому она передается от поколения к поколению. Другие видят в ней своего рода игру, изобретенную и навязанную всем остальным людям эгоистичной элитой. Третьи считают ее побочным продуктом жест-

кого генетически контролируемого механизма организма, реагирующего на тревогу и предохраняющего себя от внутренней деструкции. Кто-то видит в религии продукт, сходный с сексуальной селекцией или выработкой биологических стратегий, рассчитанных на позитивную обратную связь. Есть авторы, полагающие, что вторгнувшиеся однажды в сознание мемы-вирусы командуют организмом и толкают его к целям, которые приносят ему пользу, независимо от влияния на организм.

При всей разности гипотез бросается в глаза, что все они – примеры дарвиновского мышления. Причем ни одна из этих гипотез не апеллирует к «гену религии», хотя гены играют главную роль в предусловиях некоторых аспектов религии. Все они пытаются объяснить религию с точки зрения ее возможной пользы. Однако в ответе на вопрос «Cui bono?» (кому выгодно?) они резко расходятся между собой. Сам Д. Деннет склоняется к тому, что объяснение религии, скорее всего, сведется к амальгаме нескольких этих гипотез, а может быть, и каких-то других. Значительно более важным фактором он считает эволюцию социальных и культурных условий, способствующих усилению религии. Однако социальные факторы усиления вообще не управляются генами. Все они относятся к сфере культурной эволюции.

Заключение. Козволюция природы и культуры

Все теоретики козволюции, так или иначе, сталкиваются с вопросом о ее генезисе. Один из спорных вопросов: какой тип трансмиссии – язык или культура – заявил о себе первым? На первый взгляд, он напоминает вопрос о первичности курицы или яйца и кажется парадоксальным. Однако имеет смысл присмотреться к тому, что мы знаем о природе. Полнокровный институт языка не мог бы появиться среди представителей вида *homo sapiens*, пока они не объединились в какое-то коммунальное сообщество, признающее значимость индивидов и ролевое распределение функций среди них, а вместе с этим передающего по традиции сложившиеся нормы. Поэтому не беспочвенно предположение, что какой-то вид протокультуры должен предшествовать языку. Ученые, исследующие животных с коллективным образом жизни, порою затрудняются сказать, что в этом образе генетически запрограммировано, а что передается по традиции. Горные козлы, например, протаптывают удобные тропы на территории их проживания не только для облегчения перемещений их самих и потомства, но для всех других животных, пользующихся этой территорией. Является ли это культурной трансмиссией? Ответ неоднозначный. Сохранение проторенных путей зависит от повторных действий индивидуальных козлов, наблюдающих, как это делают другие. Является ли это имитацией? Ответ опять же не может быть однозначным. Трудно сказать, что именно является здесь объектом репликации. Шимпанзе, живущие в сообществе, имеют какие-то нормы и традиции, распознают отдельных особей и понимают их роли без языка. Им присуща имитация и очень скромная трансмиссия «технологий» в разгрызании орехов, в поиске термитов, в извлечении воды из труднодоступных источников. У них есть даже что-то вроде культурно передающихся протосимволов методом подражания, а не генетически. Есть так-

же свидетельства о ранней истории гоминидов, говорящие о том, что контроль за поддержанием огня был культурной, а не генетически передаваемой практикой. Что касается языка, то это сравнительно недавняя практика, насчитывающая только сотни, а может всего десятки тысяч лет. Будучи недавней инновацией, язык коренным образом трансформировал формы и скорость передачи социальной информации. У животных тропинки передачи приобретенной, а не наследственной информации очень узкие, порою незаметные. Только один вид животных – человек – генерируя с помощью языка разветвляющиеся семейства сходств, охватывающих культурные сущности, превратил трансмиссию его социально приобретаемой информации в супер-шоссе.

Обращает на себя внимание диалектический характер коэволюции. Культурно передаваемые привычки оказывают трансформирующее воздействие на членов вида *homo sapiens*, которые внедряют их для усвоения в молодое поколение, насколько это позволяет социум. Обучение языку и культурно передаваемым нормам сказывается на органике мозга. Это проявляется в генетических реакциях организма (мозги эволюционировали анатомически, превращаясь в лучшие верховые процессоры). Нагруженное языком и культурой («мем-вирусами») сознание накладывает отпечаток на биологическую программу мозга, вследствие чего та обретает способность производить новые типы информации.

Список литературы

- Матисов С.К.** Два подхода к проблеме предела понимания реальности в контексте антропологического исследования религии (М. Дуглас и К. Гирц) // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 8. № 2. С. 173–195.
- Alexander R.** Darwinism and Human Affairs. L.: Pitman, 1980.
- Darwinizing Culture: The Status of Memetics as a Science** / Ed. R. Aunger. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Aunger R.** The Electric Meme: A New Theory of How We Think and Communicate. N. Y.: Free Press, 2002.
- Brown A.** The Darwin Wars: The Scientific Battle for the Soul of Man. L.: Simon & Schuster, 1999.
- Blackmore S.** The Meme Machine. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Boyer P.** Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought. N. Y.: Basic Books, 2001.
- Dawkins R.** The Selfish Gene. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Dennett D.** Freedom Evolves. L.: Penguin Press, 2004.
- Fodor J.** Deconstructing Dennett's Darwin // Mind and Language. 1996. Vol. 11. Iss. 3. P. 247–262.
- Gould S.** Darwinian Fundamentalism // New York Review of Books. 1997. Vol. 44. No. 10. P. 34–37.
- Lumsden C., Wilson E.O.** Genes, Minds and Culture: The Coevolutionary Process. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.
- Malik K.** Man, Beast, and Zombie: What Science Can and Cannot Tell Us About Human Nature. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2002.

- Maynard Smith J.** Genes, Memes and Minds // New York Review of Books. 1995. Vol. 42. P. 46–48.
- Rose H., Rose S.** Alas, Poor Darwin: Arguments Against Evolutionary Psychology. N. Y.: Harmony Books, 2000.
- Wilson E.O.** Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975.
- Wilson E.O.** On Human Nature. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978.

References

- Alexander R.** Darwinism and Human Affairs. L.: Pitman, 1980.
- Aunger R.** (Ed.) Darwinizing Culture: The Status of Memetics as a Science. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Aunger R.** The Electric Meme: A New Theory of How We Think and Communicate. N. Y.: Free Press, 2002.
- Brown A.** The Darwin Wars: The Scientific Battle for the Soul of Man. L.: Simon & Schuster, 1999.
- Blackmore S.** The Meme Machine. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Boyer P.** Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought. N. Y.: Basic Books, 2001.
- Dawkins R.** The Selfish Gene. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Dennett D.** Freedom Evolves. L.: Penguin Press, 2004.
- Fodor J.** Deconstructing Dennett's Darwin // Mind and Language. 1996. Vol. 11. Iss. 3. P. 247–262.
- Gould S.** Darwinian Fundamentalism // New York Review of Books. 1997. Vol. 44. No. 10. P. 34–37.
- Lumsden C., Wilson E.O.** Genes, Minds and Culture: The Coevolutionary Process. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.
- Malik K.** Man, Beast, and Zombie: What Science Can and Cannot Tell Us About Human Nature. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2002.
- Matisov S.K.** Two approaches to the problem of the limit of understanding reality in the context of the anthropological study of religion (M. Douglas and K. Geertz) // Epistemology and Philosophy of Science. 2006. Vol. 8. No. 2. P. 173–195 (in Russian).
- Maynard Smith J.** Genes, Memes and Minds // New York Review of Books. 1995. Vol. 42. P. 46–48.
- Rose H., Rose S.** Alas, Poor Darwin: Arguments Against Evolutionary Psychology. N. Y.: Harmony Books, 2000.
- Wilson E.O.** Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975.
- Wilson E.O.** On Human Nature. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978.

Информация об авторе

Александр Михайлович Жаров

исследователь, Русское общество истории и философии науки

Information about the Author

Alexander M. Zharov

researcher, Russian Society for the History and Philosophy of Science

*Статья поступила в редколлегию 27.01.2024;
одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 24.02.2025*

*The article was submitted 27.01.2024;
approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 24.02.2025*